

ЗН111519-1

МБФ «Возрождение – Старт»
Union of Councils for Jews in FSU

**УРОКИ ХОЛОКОСТА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник научных работ

Выпуск третий

Минск
«Ковчег»
2010

Нацiянальная
бiблiятэка
Беларусi

К ВОПРОСУ О МЕМОРИАЛИЗАЦИИ МЕСТ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ЖЕРТВ ХОЛОКОСТА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Память о Холокосте должна быть самым серьезным предупреждением всем живущим на Земле о чудовищной бесчеловечности войн в современную эпоху. Сегодня, когда прошло 65 после окончания Второй мировой войны – самой кровопролитной войны в истории, мы с содроганием думаем о том, какой ценой заплатило человечество за амбиции и заблуждения своих лидеров. Особняком в числе десятков миллионов погибших в этой войне стоят 6 миллионов жизней, которые отдал на алтарь человеческих страданий еврейский народ – треть всего еврейского населения мира и десятая часть всех людских потерь в этой войне. Тотальному уничтожению еврейского населения подверглась и Беларусь. Здесь, в самом центре Европы, было убито, замучено, сожжено, закопано живьем по разным данным от 600 тысяч до одного миллиона человек, вся вина которых состояла лишь в том, что они родились у еврейских родителей. Фактически каждый третий мирный житель нашей республики, погибший в годы оккупации, был евреем, и каждый седьмой еврей Европы был уничтожен на территории Беларуси.

1

К сожалению, до начала 90-х гг. прошлого столетия систематической работы по увековечению памяти жертв Холокоста в республике не проводилось, и началась она, по сути дела, лишь с появлением еврейского общественного движения, а точнее, в 1991 году, после возникновения Союза еврейских общественных объединений и общин. Это не значит, что и ранее не возникало мыслей об увековечении памяти сотен тысяч невинно убиенных евреев Беларуси, но тогда ни люди искусства, ни само государство еще не были морально готовы к осуществлению таких проектов. Другая «погода» стояла тогда на дворе. Да и знали тогда о Холокосте в сотни раз меньше, чем знаем теперь.

В качестве примера можно привести историю создания мемориала в Хатыни в начале 1970-х. Был задуман памятник всему мирному населению, уничтоженному в годы оккупации на территории республики – более двух с половиной миллионов человек. На Стене памяти среди цифр жертв есть и сведения о гибели еврейского населения с указанием населенных пунктов, где эта трагедия происходила. Но перед создателями Хатыни не ставилась задача увековечения жертв геноцида по национальному признаку. Целью мемориала было сохранение в памяти народа тех населенных пунктов, которые были уничтожены нацистами вместе с их жителями, но и концлагерей тоже. Речь шла о совсем ином виде преступления перед человечеством.

И дело не только в том, что это была иная эпоха, иное мировоззрение, иной подход к «еврейскому вопросу» в целом. Не только создатели Хатыни, но и профессиональные историки еще о многом из нашего, вроде бы, еще совсем недалекого прошлого тогда просто не догадывались. Уже потом разобрались, что стоит за многими чудовищными цифрами и о ком идет речь. Историей Холокоста тогда ведь практически никто не занимался. Даже сегодня, после почти двадцати лет серьезных исследований, разные историки по-прежнему дают разные оценки числа уничтоженных на территории республики мирного населения и евреев в том числе, причем цифры отличаются на сотни тысяч человек.

Конечно, многие посещавшие Хатынь понимали, что скрывается за словами «район улиц Немига и Республиканская в Минске», и это имело свой общественный резонанс. А вот уже в 90-е годы начали звучать пожелания как-то расшифровать эти цифры в нишах хатынской Стены плача. Мемориал уже был всемирно известным, во весь голос назывались цифры потерь евреев, озвучивались трагедии уже даже не целых стран и городов, а самых маленьких местечек. Случались обращения с просьбой увеличить число таких «ниш» в хатынской Стене плача, внести в них данные о тех гетто, которые там первоначально не были указаны, например, члены Слонимского землячества Израиля.

Поднимался вопрос и на официальном уровне, но было принято решение ничего не менять. Во-первых, если раскрывать трагедию евреев, надо говорить и о других народах, подвергавшихся геноциду, о цыганах, например. Во-вторых, трагедия евреев – это тема, требующая отдельного, особого решения. И, наконец, главное: мемориал в Хатыни – тоже ведь исторический документ – памятник определенной эпохе в истории Беларуси. Если начать вносить изменения в уже существующие памятники при каждой перемене «политической погоды», ничем хорошим это не кончится.

Но кое-что в этом направлении все же сделано. В Хатыни теперь есть музей. И в нем есть зал, где приводится информация о тех населенных пунктах, которые по разным причинам не были увековечены в камне. О них тогда, в конце 60-х, либо не знали вообще, либо не располагали достовер-

ными данными. Вот как раз в этом музее уже есть и данные о гетто, и об уничтожении еврейского населения Беларуси в целом.

Конечно, в значительной степени изменилась общественная атмосфера в государстве, что отразилось и на отношении к еврейской теме в произведениях монументального искусства. Возникновение еврейского общественного движения в республике привело к небывалому росту интереса к истории евреев Беларуси. У многих творческих людей появилось желание и возможности работать над этой темой, так как до этого все было иначе. Каждый это отчетливо ощущал на себе: давление было очень серьезным. А во-вторых, изменились масштабы, с которыми можно теперь решать творческие задачи. Другое дело, что воплощать крупные работы и ныне очень сложно из-за отсутствия финансовой поддержки. Не говоря уже о вознаграждении за труд архитекторов, скульпторов, инженеров. Многие приходится решать просто на волонтерских началах.

Определенным образом на решении творческих проблем влияли и в какой-то степени влияют изменения политического климата в стране, чиновничий субъективизм, идеологические новации. В еще не таком далеком прошлом все эти факторы очень мешали жить и работать. Столкновение интересов есть всегда – в любую эпоху, при любом правлении, любой идеологии. У нас же многие вопросы приходится решать, потому что само гражданское общество еще не устоялось и находится в процессе развития. Вот почему работа иногда начинается при одном направлении ветра, а заканчивается при другом, и приходится менять не только отдельные элементы, но порой и весь замысел.

Но все же можно четко отметить: консерватизм прошлого постепенно сменяется новым мышлением, новым видением проблем. Вот пример. В 2005 г. был проведен конкурс проектов создания мемориальной зоны «Тростенец», где в годы оккупации находился один из самых крупных в Европе «комбинатов смерти». Два проекта просто сняли с конкурса, потому что в них ощущалось влияние национальной темы, а акцент на ней организаторы конкурса делать почему-то не хотели. Думается, это неверно, так как среди сотен тысяч уничтоженных советских военнопленных, подпольщиков, партизан, заложников были еще сотни тысяч евреев.

В одном Минском гетто погибло около 100 тысяч человек. Тучинка, Кальварийское кладбище, еврейское кладбище на Сухой, станция Койданово – те места массовых расстрелов, о которых нам сегодня известно, не могли вместить такое количество жертв. Основная часть узников была уничтожена именно в Тростенце. Туда же свозили эшелонами евреев из западноевропейских городов. Игнорировать этот факт, значит, идти против исторической правды, совершать преступление перед будущими поколениями.

Естественно, результаты прошедшего конкурса не должны были удовлетворить не только архитекторов, но и, в первую очередь, историков. И вот недавно был проведен второй тур конкурса, который тоже не дал результатов. Но следует отметить, что условия конкурса оказались еще более сжатыми по теме и идеологии всего мемориала. Конкурс был только на входную группу, а это практически ничего для такой значимой темы.

2.

Надо сказать, что в последнее время серьезно изменилась сама концепция мемориальных комплексов на местах массовых захоронений жертв нацистского террора. Памятников за годы советской власти и в последнее время построено очень много, но в истории ведь сохраняются единицы, те, которые действительно оставили след в общественном сознании. Уходят годы, и многое из того, что когда-то казалось шедевром, сегодня воспринимается как проявление некой, свойственной социалистическому реализму конъюнктуры. Ушла в прошлое гигантомания. Сегодня мемориалы в Брестской крепости, на Мамаевом кургане уже не производят того впечатления, которое они производили на послевоенное поколение.

Мы часто забываем о том, что само произведение архитектуры может быть памятником. Хатынь для своего времени была новаторством, ломкой стандартных ситуаций. В массовом сознании был совершен определенный прорыв. Еще пример – осуществленный проект мемориала на месте концлагеря в Молодечно - «Шталаг». В нем вообще нет скульптуры.

Еще пример – Городея. На месте гибели евреев, прямо в поле, можно было поставить хороший камень – впечатляющих размеров, просматривающийся издали, высечь на нем трогательную надпись. Но возникло другое решение: в поле стоят руины сожженной хаты, сохранились еще остатки стен, рамы окон... К уничтоженной хате ведет бесконечная цепь валунов. Каждый камень – это символ расстрелянного человека – женщины, старика, ребенка. Их было убито 1147. И камней 1147. И у тех, кто видел, как простые люди на тачках, повозках, носилках стаскивают со всей округи валуны и бульжники к строящемуся мемориалу, сердце сжималось от боли. При виде всего этого становится ясно, насколько серьезно замысел архитектора воспринимается теми, чьи предки были свидетелями разыгравшейся здесь несколько десятилетий назад трагедии.

У архитектурного решения – своя специфика, своя образность. Вот, к примеру, Гомель. Город большой, второй по величине в республике, но в нем до сих пор нет ни одного памятника уничтоженному еврейскому населению. Наконец нашлись нужные средства. Было много споров, где имен-

но должен размещаться такой мемориал. Находились желающие вынести его за пределы города, но победил здравый смысл. И вот уже готов проект. Мемориал будет на месте старого еврейского кладбища по улице Советской, рядом с университетом. Там еще сохранились стены бывшего здания синагоги. Они исполнят роль гомельской Стены плача. Центр мемориала – стилистическое изображение разрушенной бимы – кафедры в центре синагоги, на которой обычно разворачивается свиток Торы. К биме будут вести дорожки по образу рисунка меноры.

В центре Слуцка, не месте гетто, воздвигнут мемориал. Находились желающие вынести его подалеже от глаз людских из опасости сильного эмоционального воздействия на население. Задавался простой вопрос: а когда фашисты уничтожали в Слуцке четыре пятых населения города – еврейского населения, просто сожгли его в домах, когда встретились с ожесточенным сопротивлением – это произвело большое эмоциональное впечатление на тех, кто остался жив, или нет?

Отвод участка под мемориал – вообще большая проблема. У городских властей свои взгляды по этому вопросу, и эти планы не часто совпадают с желаниями еврейского населения, которого, бывает, и остается всего ничего. Вот, к примеру, история мемориала жертв нацизма в Слониме. Когда в 1992 году возникла идея о создании такого мемориала, план города уже был разработан. Евреи, естественно, хотели бы видеть мемориал на месте древнего еврейского кладбища, а власти, наоборот, хотели видеть там микрорайон, тем более что какие-то дома там уже стояли, и оставалось только возвести универсам, культурные учреждения.

Но по еврейской национальной традиции места, где находятся (или раньше находились) кладбища, неприкосновенны, и еврейские активисты начали неравную борьбу с администрацией города, которая в соответствии со своими планами уже успела израсходовать изрядные средства. В борьбу вступили члены Слонимского землячества Израиля, которые разыскали и прислали в Минск исторические документы, планы местности, фотографии довоенного Слонима. По ним мне удалось восстановить облик древней браны – кладбищенских ворот.

Проблема еще заключалась в том, что это место никак не было связано с уничтожением евреев Слонима в годы оккупации, но оно было освящено тем, что здесь когда-то были похоронены пять знаменитых Слонимских цадиков, и поэтому с исторической точки зрения представляло большой интерес. Еврейская община Слонима вообще была одной из старейших в Беларуси. Ее история запечатлена во многих источниках, начиная с позднего средневековья. Неординарна и история Слонимского гетто: 10 тысяч погибших евреев, сильное антифашистское подполье, побег 170 евреев, организованный партизанским отрядом имени Щорса... Надо отдать должное городским властям Слонима: они разобрались во всей ситуации и нашли в себе силы отказаться от уже намеченных работ на территории бывшего еврейского кладбища. Восстановлена брама, отмечены места могил цадиков, построена ограда... По просьбе Слонимского землячества Израиля в округе Слонима установлены памятные знаки (камни) еще в пяти местах массовых расстрелов евреев...

Из всех воплощенных в жизнь проектов увековечения памяти жертв Холокоста на территории Беларуси центральным можно считать проект Минской «Ямы». Работу над ним начинали еще в давние годы, но тогда многое не сложилось, и теперь, по прошествии времени, видно все несовершенство той идеи. Предполагалось сделать по периметру «Ямы» бетонную петлю, которая бы символизировала смерть, а на ней написать цифру «5000 – число погибших в тот погром 2 марта 1942 года, которому посвящен обелиск, установленный в этом месте сразу после войны. А потом городские власти вообще решили «Яму» засыпать и поставить на этом месте просто какой-нибудь памятный знак – камень, например. Сопротивление еврейской общины города принесло свои плоды, и «Яму» от уничтожения удалось спасти. Что касается замысла скульптурной группы людей, идущих на смерть, то она возникла достаточно поздно – уже в начале 90-х, и признание этого проекта тоже не было простым.

В 1993 году, когда отмечалось полвека со дня окончательного уничтожения Минского гетто, были выставлены для всеобщего обсуждения проекты благоустройства (так они тогда назывались) тех мест в Минске, которые могли бы олицетворять трагедию белорусского еврейства в годы войны. Впрочем, работы было всего две: проект «Яма» и проект благоустройства бывшего кладбища на улице Коллекторной, где также лежат в четырех братских могилах около 6000 евреев. Второй проект так и не был воплощен в жизнь. В нем, кстати, нашли отражение и некоторые идеи, заложенные еще в Слонимском проекте, например, реставрация браны.

Что касается проекта «Ямы», то тут самые серьезные претензии к автору, как ни странно, пришли со стороны еврейской общественности. Главным обвинением было якобы в нарушении еврейских традиций, к которой добавили некую параллель с композицией Зураба Церетели на Поклонной горе. Однако минская композиция была обнародована и появилась на 10 лет раньше. Эти композиции в принципе отличаются по замыслу, потому что в Москве эти фигуры решены «конкретно», им приданы четкие человеческие черты. И двигаются они по горизонтальной плоскости. Они просто «идут» туда, куда их гонят. А в Минске эти фигуры спускаются в яму, «в вечность», и они только напоминают людей – на самом деле, это – тени: их очертания нечетки, лишены правильных анатомических форм и т.д.

Фигуры отливали в Минске. Все выполнено в бронзе. Лепила фигуры израильский скульптор Эльза Поллак, которой принадлежит много работ для экспозиций музея Яд Вашем, музея жертв нацизма и борцов гетто киббуца Яд Мордехай. В юности она сама прошла через ужасы немецких концлагерей. Работа ее настолько увлекла, что она отложила госпитализацию в клинику, и через неделю все фигуры будущей скульптурной группы были готовы.

Ее работа отличалась особой эмоциональностью. Дальше уже был подключен минский скульптор Александр Финский. Появились дополнительно еще фигуры беременной женщины, мальчика со скрипкой. Автором идеи и всего архитектурного замысла является автор этих строк. Минская «Яма» вошла в список самых серьезных работ по увековечению жертв Холокоста.

Труд по увековечению памяти жертв Холокоста не прекращается ни на один день. В октябре 2005 г. в дни белорусских Дней Холокоста, существующих пока не в государственной, а в общественной сфере, появился не очень масштабный, но очень существенный по сути своей мемориальный знак – доска, посвященная одному из героев минского подполья Михаилу Гебелеву. Она установлена на улице, получившей тогда же имя Гебелева. Решение по увековечению имени М.Гебелева, погибшего в гестаповских застенках, еще один шаг по признанию Беларуси вклада евреев в победу над нацистами.

А в плане уже было появление нового памятного знака на бывшем еврейском кладбище в Минске, на улице Коллекторной (между прочим, бывшей Еврейской). Он установлен по просьбе еврейской общины Вены. Эшелоны с австрийскими евреями, подлежащими уничтожению, тоже приходили в Минск (или прямо в Тростенец, что чаще всего и случалось). А в сквере, что разбит ныне на месте кладбища, уже стояли три таких камня в память о погибших евреях Гамбурга, Бремена и Дюссельдорфа. Они в свое время также были установлены по просьбе общин этих городов. В 2009 г. к ним присоединились камни в память погибших в Минском гетто евреев Берлина и Кельна. То есть, возник некий мемориальный комплекс, и сейчас идут поиски его композиционного решения.

Сейчас те, кто приходят к этому месту или даже просто проходят мимо, видят шесть крупных камней с надписями, которые стоят по краям желтого круга, выложенного на земле. И мало кто задумывается над тем, что этот круг диаметром в 3 метра символизирует «лату» – нашивку желтого цвета, которую, как в средневековье, должны были носить на верхней одежде все узники гетто.

В 2008 г. были открыты памятники на местах уничтожения евреев, таких мест в Минске несколько. Один из них – на месте гибели 5000 узников гетто здесь же, на бывшем еврейском кладбище. Удивительно простое, философское решение темы: на черном квадрате, символизирующем пепелище от сгоревшего дома, стоят сломанный стол и стул. Все, что осталось от того места, где когда-то семья решала все свои проблемы. Все, что осталось... Простой и потрясающе лаконичный символ Катастрофы.

Мемориализировано и другое место – в районе Кальварийского кладбища, где было уничтожено почти 15 тысяч узников Минского гетто. Два каменных блока сжали массу человеческих тел. Выход один – небо.

Удивительным по философскому решению оказался памятник жертвам гетто в Глузске. Там погибли все 3000 живших до войны евреев. Тема решена монументальными средствами: куски доверенной фотографии с изображением еврейской семьи в разбитой раме.

Всего за последнее время еврейская община установила около 40 памятников на местах гибели еврейского населения в годы немецко-фашистской оккупации, где до этого их не было.

Беларусь – это громадное еврейское кладбище. Мемориализация мест массового захоронения жертв геноцида – еще одна форма увековечения пребывания евреев на этой земле.